

М.П. Ирошников

ИЗ ИСТОРИИ ЗАРОЖДЕНИЯ РАННЕБУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ В РОССИИ НАЧАЛА XVIII в.:

И.Т. ПОСОШКОВ. «КНИГА О СКУДОСТИ И БОГАТСТВЕ»

В истории отечественной экономической и общественно-политической мысли личность и труды И.Т. Посошкова занимают особое место. Разносторонняя предпринимательская деятельность Посошкова была типичной для представителей поднимавшегося в России начала XVIII столетия сословия торговцев и промышленников, когда преобладающая часть экономики страны пребывала еще в феодальных формах, но уже начался переход простых товарных отношений в капиталистические, начался мануфактурный период в развитии капитализма¹.

Крестьянин-ремесленник подмосковного дворцового села Покровское, ставший купцом и промышленником, фабрикантом и землевладельцем, публицистом и прожектором, Посошков не был исключением, а написанная «трехлетним трудом» и предназначенная императору Петру I «Книга о скудости и богатстве» (1724 г.), ставшая, как полагают², причиной его ареста в конце июня 1725 г., заключения в Петропавловскую крепость и смерти 1 февраля 1726 г., не была единственным выражением зарождавшейся буржуазной идеологии. Ее черты свойственны ряду «прожектов», «записок» и доношений других его современников. К ним относятся, например, записка «оберфискала» А.Я. Нестерова, в прошлом крепостного, поданная им в 1714 г., доношение Ивана Филиппова, «доношение от купечества» Андрея Маркелова, доношение Данилы Воронова из Голландии, «12 статей» неизвестного автора и др.³

Для всех этих произведений, как и для «девятерицы глав» сочинения Посошкова, характерно прежде всего отстаивание интересов купцов и предпринимателей, антидворянская направленность, которая выражается в стремлении потеснить господствующий класс дворян-помещиков. Это указывает на постепенное оформление классового самосознания у представителей отечественного торгово-промышленного сословия. И.Т. Посошков явился лишь наиболее ярким и оригинальным выразителем этого формировавшегося классового самосознания, а его «Книга о скудости и богатстве» – своеобразным программным документом зарождающейся русской буржуазии. Слова М.М. Богословского о Петре I как нельзя лучше подходят к Посошкову, который также «при всей исключительности его дарования не был все-таки исключением из своего времени и для своего общества. Он был представителем, самым видным и ярким представителем той общественной среды, в которой он жил и действовал».⁴

В «Книге о скудости и богатстве» нашли свое выражение, преломившись соответственно условиям русской действительности начала XVIII столетия, две фундаментальные идеи, которые присущи буржуазной политической идеологии «независимо от различных оттенков у разных писателей», – идея собственности и идея формальной свободы.⁵ При этом необходимо помнить о двойственности Посошкова, определенной тем, что он

жил и творил в переходную эпоху в истории русского общества, осложненную крайне недостаточным уровнем развития капиталистических отношений внутри господствующей феодально-крепостнической системы.

Надо подчеркнуть и то, что «Книга» написана не ради философско-теоретических поучений. Ее автор был практиком, в своих проектах шедшим от критики реалий современной ему жизни.⁶ В этом состоит чрезвычайно сильная сторона «Книги», которая, пожалуй, вполне восполняет ее слабую сторону – отсутствие у Посошкова (а он был самоучкой) блестящей эрудиции представителей западноевропейской социологии. Соответственно с этим, выдвигая буржуазные идеи собственности и формальной свободы, Посошков уделяет основное внимание не теоретической разработке этих важнейших принципов, а практической борьбе за претворение их в социально-политическую жизнь России начала XVIII в.⁷ Именно поэтому автор «Книги» вносит такое большое количество тщательно разработанных практических предложений, с помощью которых он надеется добиться введения новых политических институтов и расширения прав торгово-промышленного сословия, а также и крестьянства.

Провозглашая единую цель абсолютистского государства и его подданных в виде идеи «общего блага», идеологи нарождающейся буржуазии обосновывали необходимость и важность абсолютистской власти не ради нее самой, а ради подданных, чье благо есть «высшая должность государей, хотя бы и самых неограниченных».⁸ Вот как об этом говорится в «Книге»: «... И о всенародном обогащении подобает пещися без уятия усердия...», «понеже не то царственное богатство, еже в царской казне лежащие казны много ... но то самое царственное богатство, еже бы весь народ по мерностям богат был самыми домовыми внутренними своими богатствами...»⁹ Надо беречь всех подданных и их собственность, весь народ, без разграничения его по сословиям; необходимо строго охранять личные и имущественные права подданных, – заявляет Посошков.¹⁰ «По моему мнению, – пишет он, – сие дело невеликое и весьма нетрудное, еже царская сокровища наполнить богатством... Но то великое и многотрудное есть дело, еже бы народ весь обогатить...»¹¹ Соотношение государственного богатства и богатства народного автору «Книги» представляется таковым: «...В коем царстве люди богаты, то и царство то богато, в коем царстве будут люди убоги, то и царству тому не можно слыть богатому».¹² С его точки зрения, вполне возможно сочетание интересов абсолютистского государства и всех сословий страны, рост благосостояния народа, в первую очередь, конечно, торгово-промышленного сословия, и экономической мощи самого государства. Эта иллюзия была свойственна не только Посошкову, но и многим мыслителям Западной Европы XVIII в. При этом «само богатство и производство последнего возвещались как цель современных государств и последние рассматривались лишь как средство для производства богатства».¹³

Основная цель разумного и справедливого государственного управления по Посошкову состоит в том, чтобы сделать всех подданных просвещенного самодержца собственностью имущими, обеспечив правовую защиту личности и имущества представителям всех сословий. «И тако вси обогатятся», – заявляет он, – а вместе с тем и «царские сокровища со излишеством наполнятся».¹⁴ Поэтому, по мнению Посошкова, главная задача монарха состоит в том, чтобы с помощью государства насадить «правду», под которой он понимает справедливое государственное устройство и управление, законодательство и правосудие. Благодаря этому и возможно будет обеспечить успешное развитие промышленности, сельского хозяйства и торговли. На этой основе Посошков хочет добиться «всенародной пользы», чтобы все население страны могло «от своих вещей пита-

тис и богатится». В данных высказываниях Посошкова, на наш взгляд, можно видеть зарождение идеи буржуазной собственности на русской почве.

Этот общий принцип буржуазной идеологии находит свое выражение также в весьма положительном отношении Посошкова к применению вольнонаемного труда в производстве, что, как известно, является оборотной стороной процесса зарождения буржуазной собственности. Посошков видел большую выгоду наемного труда, являвшегося более производительным по сравнению с трудом, выполнявшимся как феодальная повинность: «...Всякия дела будут поспешнее отправляться», если работники будут «на той же работе из найму работать».¹⁵ Он ратовал за то, чтобы крестьяне в вольнонаемном порядке работали на мануфактурах и различных промыслах в то время, когда они не заняты в сельском хозяйстве. Он советовал крестьянам, особенно «маломочным»: «А буде при дворе своем никакой работы пожиточные нет, то шол бы в такая места, где из найму люди работают...».¹⁶

Вместе с тем, заботясь о повышении производительности труда наемных рабочих, автор предлагает, чтобы не только «во одних черных работах», но «и в художных делах, как в русских, так и во иноземцах ... месячное им жалованье надлежит отставить и давать по заделию коегождо их».¹⁷ При оплате «по заделию» «всякие дела скорее будут делаться» – таково убеждение Посошкова.

Анализируя текст «Книги», можно сказать, что ее автору не чуждо понимание большого значения материальной заинтересованности работника производства, хотя внеэкономическое принуждение, по его мнению, было нормальной формой дисциплины труда¹⁸. Посошков указывает на необходимость улучшения положения рабочих казенных предприятий, отмечая, что «русского человека ни во что ставят и накормить его не хотят, чтобы он доволен был без нужды»¹⁹. Посошков является сторонником «урочной», или сдельной, оплаты труда, считает ее гораздо более целесообразной и эффективной, чем повременную форму оплаты. Так, например, характеризуя работу крестьян, набранных на трехмесячные обязательные строительные отработки в Петербург, он пишет: «Смотреть на ту их работу моркотно, потому что гонят день к вечеру, а не работу к отделке».²⁰

Выражая интересы поднимавшегося торгово-промышленного сословия, И.Т. Посошков, естественно, уделил большое внимание вопросам правового регулирования имущественных отношений в петровской России. Из его высказываний понятно, что в области вещного права он знает такие его виды, как: 1) владение и 2) право собственности. Причем употребление самого термина «собственность», впервые введенного в законодательство Екатериной II (в «Наказе генерал-прокурору»), уже имело место у Посошкова.²¹ Термин «владение» в «Книге» употребляется очень часто, например, государственные налоги Посошков предлагает взимать по «владению земли и засеву на ней».²²

Посошков знает две различные формы собственности: полную и временную. Владение является временной собственностью, причем, как правило, эта вторая форма права собственности всегда сопровождается каким-либо условием. Всю землю страны Посошков относит к юрисдикции монарха на праве полной собственности. Он пишет, что в отношении земли воля царя «большая и вековая», т.е. указывает на два признака права полной собственности, а именно на неограниченно властный и бессрочный характер такого права. У помещиков же, получающих землю от монарха на праве владения и под условием несения какой-либо государственной службы, воля на эту землю «меньшая и временная».²³

О зарождении идеи буржуазной собственности свидетельствует решение Посошковым аграрного вопроса – автор «Книги» прямо и определенно высказывается за наде-

ление крестьян, как крепостных, так и черносошных, собственной землей.²⁴ При этом крестьяне должны были обладать землей по праву владения, как и помещики. Замечательная мысль Посошкова о наделении крестьян собственной землей, хотя и в ограниченной форме, важна тем более, что «именно... крестьянская собственность на землю (вырабатывавшаяся в течение феодального периода) и была повсюду на Западе, как и у нас в России, – основой буржуазного общества».²⁵

И.Т. Посошков впервые в России высказал буржуазную идею формальной свободы в виде выдвинутого им принципа юридического равенства всего населения страны по отношению к закону и суду.²⁶ Уже в самом начале «Книги» выдвигается принцип единого подданства или гражданства. «...Все едины державы люди есьмы», – заявляет Посошков. Эта мысль в дальнейшем получает свое развернутое выражение в других предложениях Посошкова. Первое из них – его проект о необходимости предоставления всем сословиям права участия через своих представителей в «народосоветии» для выработки и обсуждения основного законодательного свода – нового уложения или, по его словам, «Правосудной книги».²⁷

Посошков дополняет такой «многонародный совет» принципиально новой идеей – «освидетельствования вольным голосом», или «общесоветия», под которым он понимал право всех людей, независимо от «чинов» и сословий, представлять государственной власти замечания для исправления законопроекта²⁸. Сочетание двух новых политических институтов – «народосоветия» и «общесоветия» – с последующим утверждением законопроекта монархом составит, по мнению автора «Книги», «совершенное общесоветие», т.е. наиболее целесообразные и справедливые систему и порядок законодательства. Еще одно чрезвычайно важное предложение Посошкова высказано в его суждениях о необходимости установления единого и равного для всех «чинов» суда. Только такой суд, полагает автор «Книги», будет «праведным».²⁹

Другой общий момент, связанный с пониманием абсолютизма раннебуржуазными идеологами и, в частности, Посошковым, состоит в том, что выдвигение самодержавной власти само по себе уже вносит «равенство» всех слоев общества перед политической машиной государства, разбивая общество на подданных и монарха – олицетворение абсолютизма. Конечно, речь идет не о равенстве в политических правах: это «равенство» перед абсолютизмом состояло в его всепроникающем руководстве и опеке, в государственных повинностях и тяготах³⁰.

Действительно, в Российской империи начала XVIII в. и видный полководец генерал-фельдмаршал граф Б.П. Шереметев, и «правды всеусердный желатель» Посошков, обращаясь к Петру I, одинаково именовали себя низжайшими рабами его царского величества³¹. Тем более интересно сравнить взгляды Посошкова и Ф. Прокоповича на взаимоотношения подданных и государя в связи с выполнением последним своей первой обязанности управлять страной во имя общего блага.

Ф. Прокопович был хорошо знаком с учениями западноевропейских мыслителей, в частности с естественноправовой теорией. Влияние новых общественных отношений, дух раннебуржуазного просветительства затронул его общеизвестный трактат «Правда воли монаршей». Например, к одному из оснований власти, наряду с божественным установлением, он относит народную волю, договор народа с монархом³².

Будучи просвещенным идеологом абсолютизма, Прокопович, однако, выражал интересы дворянства. По его мнению, «сие только ведати народ должен, что государь его должен о его пользе общей стоит или падает и того единого суду подлежит»³³. Государь и только он имеет абсолютное и монопольное право управлять, народ же, хотя и выступает

в «Правде» в качестве стороны, заключившей договор с монархом, не имеет никаких прав, а имеет лишь обязанности, самая главная из которых – «без прекословия и роптания вся от самодержца повелеваемая творить»³⁴.

Единственное право, в котором не отказывает народу Прокопович, состоит в том, что он может (точнее, обязан) в случае смерти государя, не оставившего завещания, попытаться установить, какова же была эта воля.³⁵ Но и это право-обязанность, по существу, было адресовано не народу, а стоявшему у власти дворянству, которое соответственно и действовало: за 17 неполных лет после смерти Петра Великого по вступлении на престол Елизаветы Петровны было произведено несколько внутригосударственных переворотов.

Такая постановка вопроса Прокоповичем означала для подавляющей массы населения страны полное отрицание прав гражданской свободы. «Вопроса об обязанностях и правах отдельных подданных, как индивидов, Прокопович не затрагивает»³⁶.

Искоренение «древней неправды», при которой «кто кого сможет, тот того и давит, а кои люди ядовитые, то маломочных и в конец разоряют»³⁷, и достижение общественного согласия, сочетания интересов всех сословий и групп населения Посошков связывает с осуществлением монархом первостепенной его обязанности – разумно и справедливо управлять. Конечно, при условии, если чиновники, представители царской *власти* в центре и на местах, в своей повседневной деятельности будут руководствоваться не древними «обветшалыми» уставами, а вновь выработанной и выражающей всеобщие интересы «Правосудной книгой». Созданные этим новым законодательным сводом правовые условия государственной власти во главе с монархом, по мнению Посошкова, помогут ликвидировать два самых отрицательных явления в жизни страны – произвол «великородных» и «знатных», т.е. дворянства, и «бунты» и «возмущения» остального населения.

Посошков защищал интересы зарождавшейся буржуазии в условиях господства феодально-крепостнической системы. Это определило своеобразие позиции Посошкова. С одной стороны, учитывая господство феодально-сословных прав и привилегий, он пытался отстаивать интересы своего торгово-промышленного сословия старыми средствами, путем приобретения таких юридических сословных прав, которые обеспечили бы ему монопольное положение в торговле и промышленности. Поэтому надежным средством достижения должного порядка в обществе автор «Книги» считал точное установление монархом правового положения каждого сословия. Исходя при этом из своего понимания роли каждого сословия в общественном хозяйственном организме, Посошков выступал за размежевание сословий только в сфере экономической жизни. С другой стороны, в «Книге» был выдвинут ряд новых *идей* буржуазного характера, закрепление которых в законе дало бы важнейшие для того времени социально-политические права основной части *народа* в лице торгово-промышленного сословия и крестьянства.

Дворянское абсолютистское государство и его идеологи практически устранили все другие сословия страны от участия в государственной деятельности. В.Н. Татищев, например, исходя из своих общих представлений о значении шляхетства-дворянства как первого сословия в стране, которому должно принадлежать монопольное право управления государством, не признавал политической роли купечества, не говоря уже о крестьянстве³⁸. В феодально-крепостнической России все население, кроме класса феодалов, было фактически и юридически бесправным. Представители прочих сословий по существу не имели никаких гарантий частноправовой свободы, защиты личных и имущественных прав.

Посошков, напротив, резко критикует систему и порядки управления в дворянско-бюрократической империи Петра I, рисует яркую и полную картину «всяческих неисправностей», связывая произвол, взяточничество, волокиту и отсутствие заботы об интересах страны и всего населения в работе центральных и местных административных и судебных органов с засильем «великородных» и «знатных». Один из исследователей Посошкова В.Н. Сторожев с полным основанием называет третью главу «Книги» — о правосудии — обвинительным актом против петровской эпохи.³⁹

Посошков не раз сам выступал в качестве пострадавшего, о чем он неоднократно красноречиво рассказывает на страницах «Книги». Но вопрос, который был задан в одном из подобных случаев дворянину Ивану Невельскому и его людям: «Покажи де указ, почему ты нас из хором вон выбиваешь и животы наши печатаешь»⁴⁰, так и остался без ответа. Крепостникам-помещикам не было никакого дела до гарантий личных и имущественных прав представителей иных сословий государства. «... По своему существу воззрения Посошкова были направлены на критику и, тем самым, на подрыв феодально-крепостнических устоев, — считает В.С. Покровский, — хотя сам Посошков этого не осознавал».⁴¹

От дворянских идеологов абсолютизма Посошкова отличает не только резко критический тон «Книги», но и ее «изъявительская» сторона — изложенные в «Книге» политические проекты, которые подрывали феодальные устои дворянской монархии начала XVIII в. гораздо больше.

В области политической Посошков выступает за предоставление существенных прав торгово-промышленному сословию и крестьянству. Он — открытый сторонник того, чтобы все население, и в первую очередь торгово-промышленное сословие, а также крестьянство, имели право выбора представителей в комиссию по подготовке нового Уложения — «Правосудной книги», право «освидетельствования вольным голосом» нового законопроекта, право занимать различные должности в административно-управленческом и судебном аппарате империи, право свободной подачи жалоб и челобитных в специально созданную для осуществления высшего надзора в стране «особливую канцелярию»⁴².

Прогрессивность политической программы И.Т. Посошкова была обусловлена ролью поднимавшегося торгово-промышленного сословия в развитии экономики России XVIII в., когда на основе роста товарно-денежных отношений получило дальнейшее развитие фактическое слияние всех земель, образование единого всероссийского рынка. Именно поэтому автор «Книги» смог подняться до понимания общегосударственных задач и выступать в защиту интересов успешного развития всей страны. Основная цель И.Т. Посошкова — добиться от государства во главе с монархом создания условий, при которых «промыслы купецких людей расширялись и промышленники богателись»⁴³. Роль торгово-промышленного сословия представляется ему особо значительной, так как «купечеством всякое царство богатится». Более того, по мнению Посошкова, без купцов и промышленников «никакое не токмо великое, но ни малое государство стояти не может» и «того ради под великим охранением блюсти их надлежит и от обид их оберегати...».⁴⁴

Защита подданных (Посошков, несомненно, имел в виду представителей торгово-промышленного сословия и крестьянства) как субъектов определенного комплекса юридических личных и имущественных прав находит в «Книге» свое выражение и в уже отмечавшемся предложении установить право на «единый и равный для всех чинов» суд, а также право на охрану личности и ее собственности в судопроизводстве.

Таким образом, Посошков не только критиковал, но фактически выдвинул смелый и передовой для того времени проект наделения целым рядом политических прав сосло-

вий, не принадлежавших к господствующему классу. Этот проект во многом выходил из правовых рамок феодально-крепостнической системы и не имел полной аналогии не только в современной Посошкову России, но и позднее – во взглядах многих русских просветителей второй половины XVIII в.

Дворянский идеолог просвещенного абсолютизма В.Н. Татищев отводил дворянству абсолютное и нераздельное ни с кем право быть «главным и честнейшим станом государства»⁴⁵. Ф. Прокопович, раскрывая свое понимание обязанностей верховной власти в лице монарха по осуществлению принципа общего блага, также специально выделяет дворянское сословие из всего населения страны. Из трех главных задач государя, прямо указанных в «Правде воли монаршей», два носят общегосударственный характер – правосудие и просвещение должны осуществляться монархом в отношении всего населения. Третьей же обязанностью является необходимость «пещися ... також и да будет крепкое и искусное воинство».⁴⁶

Поднимающееся торгово-промышленное сословие ставится в «Книге» рядом с «воинством» – дворянством. «Купечество и воинству товарищ, – заявляет Посошков, – воинство воюет, а купечество помогает и всякие потребности им уготовляет ... яко бо душа без тела не может быти, тако и воинство без купечества пробыть не может... Царство воинством расширяется, а купечеством украшается... Нет на свете такого чина, коему бы купецкой человек не потребен был»⁴⁷. Именно эти выразительные слова имел в виду П.А. Берлин, называя Посошкова первым последовательным идеологом русской буржуазии⁴⁸. Об этих словах В.Н. Сторожев писал, что они «знаменуют собой зарождение буржуазной идеологии на русской почве»⁴⁹.

Посошков считает, что государство во главе с монархом должно уделять особое внимание и покровительство именно этому сословию, а «гражданская забота» о торговых и промышленных делах должна иметь место со стороны как центральных, так и местных органов власти. Между тем чиновники и судьи, по его мнению, такую политику проводят явно недостаточно: отсутствует отношение к «купецкому делу» как к делу государственной важности. Посошков считает, что по сравнению с другими странами положение его сословия в России весьма еще незавидное. Там, говорит он, «вельми людей берегут, а наипаче купецких, и того ради у них купецкие люди и богаты зело».⁵⁰

Убеждение автора «Книги» о необходимости «всякому чину» заниматься своим делом, «а в другой предел не вступати», т.е. о целесообразности распределения прав и обязанностей сословий, прежде всего требует реализации именно в отношении купечества, которое тогда вело настойчивую борьбу за «торг свободный». Ее смысл заключался в устранении значительной конкуренции со стороны «иночинцев». Эта борьба осложнялась тем, что последние в большинстве своем были освобождены от несения городских повинностей, а также тем, что, как говорит Посошков, «прикоснулись к торгу лица сильные, а кои не сильны, те магистрату не подсудны». «Торг свободный» нужно понимать как монопольное право в занятии торговлей и различными промыслами и коммерциями исключительно для людей торгово-промышленного сословия. Все «иночинцы» должны быть отстранены государством от участия в торговле и коммерции. Автор «Книги» возмущается тем, что «иные торгуют бояря, дворяня и люди их, и офицеры, солдаты и крестьяне». Он предлагает, чтобы лица, занимающиеся промыслами и торговлей, были определены к купецкому сословию. Для того нужно, по его мнению, «прежний чин свой оставить» и иметь определенное состояние в виде установленного минимума денежных средств; тогда новый «купецкий человек» будет находиться уже под юрисдикцией городских властей – магистратов.

Дворянский идеолог просвещенного абсолютизма В.Н. Татищев отводил дворянству абсолютное и нераздельное ни с кем право быть «главным и честнейшим станом государства»⁴⁵. Ф. Прокопович, раскрывая свое понимание обязанностей верховной власти в лице монарха по осуществлению принципа общего блага, также специально выделяет дворянское сословие из всего населения страны. Из трех главных задач государя, прямо указанных в «Правде воли монаршей», два носят общегосударственный характер – правосудие и просвещение должны осуществляться монархом в отношении всего населения. Третьей же обязанностью является необходимость «пещися ... також и да будет крепкое и искусное воинство»⁴⁶.

В «Книге» поднимающееся торгово-промышленное сословие ставится рядом с «воинством» – дворянством. «Купечество и воинству товарищ, – заявляет Посошков, – воинство воюет, а купечество помогает и всякие потребности им уготовляет ... яко бо душа без тела не может быти, тако и воинство без купечества пребыть не может... Царство воинством расширяется, а купечеством украшается... Нет на свете такого чина, коему бы купецкой человек не потребен был»⁴⁷. Именно эти выразительные слова имел в виду П.А. Берлин, называя Посошкова первым последовательным идеологом русской буржуазии⁴⁸. Об этих словах В.Н. Сторожев писал, что они «знаменуют собой зарождение буржуазной идеологии на русской почве»⁴⁹.

Посошков полагает, что государство во главе с монархом должно уделять особое внимание и покровительство именно этому сословию, а «гражданская забота» о торговых и промышленных делах должна иметь место со стороны как центральных, так и местных органов власти. Между тем чиновники и судьи, по его мнению, такую политику проводят явно недостаточно, отсутствует отношение к «купецкому делу» как к делу государственной важности. Посошков считает, что по сравнению с другими странами положение его сословия в России весьма еще незавидное. Там, говорит он, «вельми людей берегут, а наипаче купецких, и того ради у них купецкие люди и богаты зело»⁵⁰.

Убеждение автора «Книги» о необходимости «всякому чину» заниматься своим делом, «а в другой предел не вступати», т.е. о целесообразности распределения прав и обязанностей сословий, прежде всего требует реализации именно в отношении купечества, которое тогда вело настойчивую борьбу за «торг свободный». Смысл ее заключался в устранении значительной конкуренции со стороны «иночинцев». Эта борьба осложнялась тем, что последние в большинстве своем были освобождены от несения городских повинностей, а также тем, что, как говорит Посошков, «прикоснулись к торгу лица сильные, а кои не сильные, те магистрату не подсудны». «Торг свободный» нужно понимать как монопольное право в занятии торговлей и различными промыслами и коммерциями исключительно для людей торгово-промышленного сословия. Все «иночинцы» должны быть отстранены государством от участия в торговле и коммерции. Автор «Книги» возмущается тем, что «иные торгуют бояря, дворяня и люди их, и офицеры, солдаты и крестьяне». Он предлагает, чтобы лица, занимающиеся промыслами и торговлей, были определены к купецкому сословию. Для того, по его мнению, нужно «прежний чин свой оставить» и иметь определенное состояние в виде установленного минимума денежных средств; тогда новый «купецкий человек» будет находиться уже под юрисдикцией городских властей – магистратов.

Об этом же писали современники Посошкова Нестеров, Маркелов, Филиппов. Это же требование купечества выражал неизвестный автор, писавший Петру I в своем доношении из Голландии: «Ужели кто из высоких господ похочет торговать, то и таковому надлежит записываться в посад со утрачением чести его и уже ему надлежит зватися купцом, а не дворянином или князем»⁵¹.

Все упомянутые предложения были направлены на устранение из торговли представителей дворянства и прочих «иночинцев», в частности крестьян, которые в большинстве своем были агентами землевладельцев. Но законодательство петровской империи так и не разрешило эту просьбу зарождавшейся русской буржуазии, поскольку защищало прежде всего экономические интересы помещичьего дворянства. Именно поэтому в наказах от городского населения в Екатерининскую Уложенную Комиссию 1767 г. высказывался ряд предложений, сводившихся по существу к тому, что предлагал 40 лет назад Посошков⁵². В данном случае он выступает защитником гильдейской организации формировавшейся буржуазии, имевшей в петровской России большое значение для развития рынка и всего народного хозяйства, хотя уже во второй половине XVIII в. устремления того же гильдейского купечества к ограничению и вытеснению из торговли и промышленности других сословий носили консервативный характер.⁵³

«Гражданскую заботу» о делах купцов и промышленников государству следует, по мнению Посошкова, проявлять в области промышленного производства как крупного, так и мелкого, «дабы никто промышленной человек во убожество великое от какого своего упадку не входил».⁵⁴ Посошков считает, что государству необходимо всячески поощрять строительство мануфактур и помогать в этом частным предпринимателям: «...Надлежит на строительство мастерских домов делать денги из ратуш или откуда его императорское величество повелит, дабы всякие дела расширялись, и не токмо на строение, но и на всякие к тем делам надлежащие инструменты и на всякие припасы, чтобы во удобное время всяких припасов присылали б без оскудения».⁵⁵ Кроме того, он предлагает «мастерские дома строить» на средства казны «в тех городах, где хлеб и харч дешевле», а затем передавать на откуп в частные руки. От этого, по его мнению, и люди будут «богатиться», и государственная казна «множиться»⁵⁶.

Последовательно отстаивая в «Книге» принципы наименьшей затраты средств и наилучшего их использования, Посошков выступает не просто за экономию, но за разумную экономию. Поэтому он выражает свое возмущение чрезмерной и вредной для дела скупостью управителей в оплате рабочих на государственных мануфактурах (5 коп. в день). Вот как об этом ярко написано в «Книге»: «Они мнят тем учинить великому государю прибыль, что мастеровых людей не кормят, а они тем великий убыток делают. А во всяких делах правители наши за кроху умирают, а где тысячи рублей пропадают, то ни во что поставляют, и неданием полного кормления у русских людей охоту и к мастерству прилежание тем пресекают и размножится доброму художеству не допускают».⁵⁷

Вместе с тем (и это характерно для зарождавшейся отечественной буржуазии XVIII в.) Посошков был не прочь использовать феодально-крепостнические привилегии в интересах развития торговли и промышленности. Поэтому он выступал за предоставление государством представителям торгово-промышленного сословия права приобретать земли и крепостных.⁵⁸ Такой подход существенно нарушал главное право дворянства – его феодальную монополию на владение землей и крестьянами. «Многие богатые купцы ... ища к своему и казенному вреду, против древних законов, деревни купить», «которыми нимало управлять не разумеют...», – отмечал в связи с этим В.Н. Татищев, определяя подобное стремление как «вредное обстоятельство против законов и пользы ...».⁵⁹ Точно так же отстаивал монополию феодалов-крепостников на владение крестьянами и землей другой идеолог дворянства – Ф.С. Салтыков: «Ежели кто, будучи из простых чинов, придут в богатство, и тем не покупать дворянских стяжательств, сиречь вотчины, понеже сие надлежит дворянам».⁶⁰

Это же стремление определяет решение Посошковым проблемы нехватки рабочей силы для значительно возросшей мануфактурной промышленности. Он предлагает пет-

ровскому правительству разрешить купцам и промышленникам «хватать нищих и гулящих людей» и на основе записи в «приказной палате» считать их крепостными людьми фабрикантов, которые, организовав обучение, могли бы в дальнейшем использовать их на производстве. Эта мысль сформулирована в «Книге» следующим образом: «Гулящих робят мужеска пола и женска имать и учить и, науча, владети ими вечно, чьи бы они до поимки ни были, крестьяне или дворовые люди, быть им тут вечно». ⁶¹ Тогда, во-первых, «нищие», бродяги и тунеядцы «все изведутся и вместо уличного скитания все будут промышленники». Во-вторых, будет решена проблема нехватки рабочих рук для мануфактур, так как «гуляк», по подсчетам Посошкова, наберется «тысяч десятков-другой».

Исходя из своего убеждения — «сие бо вельми нужно, еже кои материалы, где родятся тамо бы они и в дело происходили» ⁶², Посошков считает необходимым добиться того, чтобы из России вывозилось не сырье или полуфабрикаты, а готовая продукция. «...Мочно нам на всю Европу полотен наготовить», — заявляет он в частности. Так же можно поставить дело и в области производства других товаров, поскольку по обилию природных богатств Россия далеко превосходит зарубежные страны. Поэтому, говорит Посошков, «и чем им от наших материалов богатится, то лучше нам, россияном, от своих вещей питаться и богатиться» ⁶³. Трудность же начинания нового дела при наличии правильной политики государства вполне может быть преодолена и в скором будущем с лихвой окупится: «Токмо трудно нам заводы завести да установить те дела, а егда русские люди научатся и дела сия установятся, то нельзя на вполы им становиться». ⁶⁴

В области «художеств», т.е. различных промыслов и ремесел, Посошков также приветствует государственное руководство и считает его крайне нужным и обязательным, так как если «не будет доброго и надлежащего им управления», то нельзя будет достигнуть высокого развития и в этой области хозяйства. Он весьма поощрительно отзывался об объединениях отдельных предпринимателей и купцов в торгово-промышленные «кумпанства», одобрительно относится к покровительственной политике государства во главе с монархом по отношению к ним. Выступая защитником интересов купцов и промышленников, Посошков вместе с тем, исходя из общегосударственных соображений, советует монарху тщательно регламентировать внутреннюю и внешнюю торговлю и надзирать за ними. В области внешней торговли следует помогать развитию отечественного купеческого объединения, которое должно занимать монопольное положение в торговле с зарубежными странами. В этих целях автор «Книги» предлагает установить поощрительный тариф на вывозимые товары, ограничить импорт зарубежных товаров определенных категорий и др. Вообще, в делах представителей торгово-промышленного сословия, ввиду их важности и полезности для всей страны, по мнению Посошкова, надлежит заботиться «управителям не токмо одних купецких дел, но и гражданскими». ⁶⁵

И.Т. Посошков выступает последовательным защитником прогрессивного развития производительных сил страны, ⁶⁶ защищая при этом интересы торгово-промышленного сословия, а также и более широких масс городского населения и крестьянства. Поэтому он отрицательно относится к введению подушной подати, выдвигая довольно любопытную для глубоко верующего человека XVIII в. аргументацию: «А и во исчислении душевном не чаю не проку быть, понеже душа вещь не осязаемая и умом не постижимая и цены не имущая, надлежит ценить вещи грунтовальные». ⁶⁷ Посошков считает, что налоги и подати надлежит платить всем сословиям, включая и дворянство, хотя он понимает, что такое юридическое уравнивание вызовет возмущение последнего. ⁶⁸ При этом податная система должна быть построена таким образом, чтобы не разорять народ и хозяйство страны: «худой тот сбор, еже ... царю казну собирает, а людей разоряет». По этой

же причине необходимо прекратить практику взимания многочисленных налогов в области внутренней торговли. Вместо них, как это уже предлагалось в «Новоторговом уставе» 1667 г., установить единый «государственный правдивый сбор» в размере 10 % цены товара, который будет взиматься только один раз.

По мнению автора «Книги», ни подворный, ни подушный принципы обложения не способствуют достижению монархическим государством главных целей. В основе обложения должна лежать самая «грунтованная вещь» – земля; исчисление размеров налога должно производиться «по владению земли и по засеву на том его владении»⁶⁹. И в этом вопросе И.Т. Посошков далеко опередил свое время. Только спустя почти 100 лет Н.И. Тургенев и А.Н. Радищев дали резкую критику подушной подати.

Таким образом, монарх, осуществляющий управление страной, должен возложить на торгово-промышленное сословие дело торговли и промышленности, оказывая ему при этом всяческую поддержку и покровительство, предоставив монополию во внешней и внутренней торговле. Идеями Посошкова зарождавшаяся русская буржуазия стремилась усилить свою роль в экономике страны и одновременно выступала за укрепление своих политических позиций, добываясь права приобретать земли и крепостных и «навечно» закреплять «гулящих» при мануфактурах, права активного участия в законодательной и судебной деятельности, в государственном управлении страной.

Вытеснение дворянства из торговли и промышленности, ограничение его роли в государственном аппарате, борьба с его произволом в отношении прочего населения, стремление обязать землевладельцев-феодалов платить налоги наряду с представителями других сословий, наконец, покушение на основу феодально-крепостнических порядков – монопольное право дворянства на владение крепостными – все эти существенные вопросы были поставлены Посошковым и решены совсем не так, как хотелось бы помещикам-крепостникам. Социально-политическая программа Посошкова по многим своим пунктам шла вразрез с классовыми интересами дворянства. Но своей кульминации это расхождение достигает в решении автором «Книги» вопроса о положении крестьянства в стране, о том, каковы должны быть взаимоотношения между крестьянами, помещиками и государством. Позиция Посошкова по крестьянскому вопросу, его отношение к крепостному праву, не имеет никакого прямого сравнения в истории предшествующей и современной ему общественно-политической мысли⁷⁰.

Принципиально важная особенность политической программы Посошкова, состоявшая в том, что она защищала интересы не только зарождавшейся буржуазии, но и крестьянства, отмечается во многих, в том числе новейших, исследованиях⁷¹. В своей критике крепостнических отношений и предложениях, направленных на облегчение положения крестьянства, как и в вопросе о необходимости участия представителей крестьян и солдат в обсуждении и выработке «Правосудной книги», Посошков уходил далеко вперед своего времени.

Рисуя картину «скудного жития» крестьянства, Посошков пишет: «...Крестьянское житие скудно не от чего иного токмо от своея их лености, и потом от неразсмотрения правителей и от помещичья насилия и от небрежения их».⁷² Как видим, по его мнению, тремя основными причинами такого положения являются произвол помещиков, недостаточное внимание и попечение со стороны государства во главе с монархом и, наконец, леность самих крестьян. В последнем крестьян обычно обвиняли все идеологи помещичьего дворянства петровской эпохи (например, В.Н. Татищев).

Посошков считает, что «скудному житию» крестьян способствуют и многие другие обстоятельства – от почти абсолютной неграмотности и грабежей разбойников до тесноты крестьянских селений, в результате которой пожары уничтожают целые деревни.

Но в «Книге», особенно в главе о крестьянстве, характеристике помещичьего произвола и хищнической эксплуатации крестьян уделено наибольшее внимание. Не лень крестьянства, а «крепостное право и административный произвол – источник крестьянского разорения»,⁷³ по мнению Посошкова. «Помещики на крестьян своих налагают бремена неудобноносимая, ибо есть такие бесчеловечные дворяня, что в работную пору не дают крестьянам своим единого дня, еще бы ему на себя что сработать. И тако пахотную и сенокосную пору всю и потеряют у них, иль что наложено на коих крестьян оброку или столовых запасов, и то положенное забрал, и еще требуют от них излишнего побору, и тем излишеством крестьянство в нищету пригоняют. И который крестьянин мало посытее быть, то на него и подати прибавит».⁷⁴

Далее в «Книге» приводится правило, которому следуют помещики: «крестьянину не давай обрасти, но стриги его, яко овцу, догола». В результате создается положение, о котором Посошков выразительно пишет: «И тако творя, царство пустошат, понеже так их обируют, что у иного и козы не оставляют. И от таковые нужды дома свои оставляют и бегут иные в понизовые места, иные ж во украинные, а иные и в зарубежные и тако чужие страны населяют, а свою пусту оставляют».⁷⁵

Таким образом, помещики-крепостники своим произволом и жестокими поборами вредят как крестьянству, так и всему государству. Посошков доказывает монарху, что защита крестьянства должна составлять его непосредственную заботу, «и того ради не надлежит их помещикам разорять, но надлежит их царским указом охранять, чтобы крестьяне были прямыми, а не нищими, понеже крестьянское богатство – богатство царственное».⁷⁶

По мнению автора «Книги», царю надлежит заботиться о крестьянстве, так как помещики владеют ими временно, а «царю они всегда вековые» и от их благосостояния зависит благосостояние страны. Вот что, оказывается, лежит в основе его мнения – временность прав помещиков на крестьян. «Крестьянам помещики не вековые владельцы, того ради они не весьма их берегут, а прямой им владетель всероссийский самодержиц, они владеют временно».⁷⁷ Вывод, к которому приходит Посошков, весьма замечателен – он предлагает царю «яко великородных и военных, тако и купечество и крестьянство блюсти, дабы никто во убожество не входил, но вси бы по мерностям изобильны были».⁷⁸

В этих словах в концентрированном виде изложена сущность всей социально-политической программы автора «Книги». Разделяя общество на «великородных и военных», т.е. правящее дворянство и остальное население, прежде всего купечество и крестьянство, Посошков отдает предпочтение последним сословиям, об «изобильном житии» которых он печется и о нуждах которых прочие защитники абсолютизма фактически не заботились.⁷⁹

Наряду с временностью прав дворянства на крестьян, Посошков заявляет о таком же характере их прав на основное средство производства – землю. Дворяне, пишет он, забыли «самую истинную землю, коя и под ним самим, не его, но великого государя...».⁸⁰ Он поднял на уровень общегосударственной задачи вопрос о необходимости урегулирования отношений помещиков и крестьян как в области обязанностей последних, так и по отношению к основному средству производства – земле. Для исправления существующего положения нужно «твердое смотрение» государя и «охранение» им крестьянства от произвола помещиков. Конкретные меры, предлагавшиеся Посошковым, состоят в следующем.

Во-первых, путем «указного расположения» власть помещиков над крепостными должна быть строго ограничена. Закон должен точно установить размер барщины – «сколько

дней в неделю на помещика работать» и размер оброка – «расположить именно прочему ... иметь денег и столовых запасов». Это ставит «урок» или норму, сверх которой с крепостного нельзя уже ничего требовать: «никакой помещик сверх уреченного числа нима-лого чего не требовал с него и ничем бы с таковых не теснил». При нарушении установленного законом земля и крестьяне такого помещика подлежат конфискации, а сам он подвергается наказанию. Крестьянин, донесший об этом, должен получить освобождение от крепостной зависимости, а также денежную награду. Жалобы по этому поводу должны приниматься обязательно, в противном случае или при «поноровке» помещику со стороны судьи или другого чиновника последним угрожает жестокое наказание.

Во-вторых, нужно произвести полное отделение крестьянских земель от помещи-чьих и облагать их государственным налогом соответственно раздельно. Причем уплачи-вать налоги и нести ответственность за это крестьянин должен непосредственно перед государством: «С той земли, коя отделена будет к крестьянским дворам, с той земли будет платить крестьянин по дворовому своему окладу... того ради та земля за помещиками и числить не надлежит»⁸¹. Если же земельный надел крестьянина будет недостаточен и он снимает землю у другого помещика, то правовой режим этой земли должен быть совсем особым: никаких повинностей ни в пользу помещиков (своего и земледателя), ни в пользу государства, кроме арендной платы по «договору», крестьянин не несет.

Требование «точно определить в законе размер крестьянских повинностей» и «от-делить крестьянскую землю от помещичьей»⁸² для крепостных и от общинной для черно-сошных⁸³ было принципиально новым в крестьянском вопросе в России первой полови-ны XVIII в.⁸⁴ Надо помнить, что Посошков высказал эти мысли в эпоху, когда другие просвещенные идеологи абсолютизма боялись открыто высказываться за установление хотя бы свободных переходов (при оставлении всей земли помещикам).⁸⁵

Сорок лет спустя о крестьянской реформе, включавшей в себя в основном те же мероприятия, которые предлагал Посошков, говорил поручик Г. Коробьин, депутат Екате-рининской Уложенной Комиссии 1767 г., внесший при обсуждении вопроса о беглых людях проект о предписании законом «нечто для собственного крестьян имущества» и об ограничении повинности крестьян законодательным путем, так как причины разорения крестьянства заключаются в «неограниченной власти помещика над имениями своих кре-стьян». В поддержку его предложений выступили от пехотных солдат Нижегородской провинции И. Жеребцов, от белгородских однодворцев А. Маслов, государственный кре-стьянин Иван Чупров и дворянин Я. Козельский. Последний, в частности, предложил ограничить барщину до двух дней в неделю.⁸⁶

В том же 1767 г. был написан известный трактат «О крепостном состоянии крестьян в России», в котором, отвечая на вопрос Вольного экономического общества: «что по-лезнее для общества, чтоб крестьянин имел в собственности землю или токмо движимое имение, и сколь далеко его права на то или другое имение простираются должны?», А.Я. Поленов писал: «Я не нахожу беднейших людей, как наших крестьян, которые, не имея ни малой от законов защиты, подвержены всевозможным не только в рассуждении имения, но и самой жизни, обидам, и претерпевать беспрестанные наглости, истязания и насиль-ства, от чего неотменно должны они опуститься и придти в сие преисполненное бедствий, как для их самих, так и для всего общества состояние, в котором мы их теперь действи-тельно видим».

«Таким языком до Поленова еще никто не говорил»⁸⁷, – писала Э.С. Виленская. Между тем таким именно языком почти полвека ранее была написана «Книга о скудости и богатстве». Поэтому представляется, что не М.В. Ломоносов и не русские просветители

13
середины XVIII в., а И.Т. Посошков впервые в истории русской передовой общественно-политической мысли выдвинул крестьянский вопрос как важнейшую общественную проблему и дал ее прогрессивное в условиях России начала XVIII в. решение. Поэтому Посошков, а не русские просветители середины XVIII в., должен быть назван первым обличителем крепостного права. Как справедливо отмечала П.К. Алефиренко, «Посошков на пятьдесят лет предвосхитил предложение либеральных дворянских депутатов в Екатерининской Уложенной Комиссии, а также радикальный проект Поленова». ⁸⁸ Об этом же писал еще Н.П. Павлов-Сильванский: «Лишь через 70 лет правительство сделало первую попытку ограничения помещичьей власти» в том направлении, которое предлагала «Книга». ⁸⁹

Вполне понятно, что у исследователей наследия И.Т. Посошкова его высказывания о временности прав помещика на крестьян и землю с давних пор вызывали особый интерес. Целый ряд авторов придерживается той точки зрения, что Посошков был противником крепостного права вообще. Так, по мнению А. Романовича-Словатинского, Посошков «как бы прозревал их (крестьян. — М.И.) будущее освобождение». ⁹⁰ В.И. Семевский называет автора «Книги» «энергичным заступником за поработенный народ», указывая, что он «предвидел возможность освобождения крестьян». ⁹¹ В.О. Ключевский, поддерживая эту точку зрения, говорит, что Посошков «смотрел на крепостную неволю как на временное зло», и далее делает вывод: «...Очевидно, начинали подумывать о развязке крепостного узла». ⁹² Н.П. Павлов-Сильванский в указании Посошкова на временность прав помещика на крестьян усматривал «речь о возможности освобождения крестьян». ⁹³ Более 150 лет тому назад Посошков уже видел необходимость отмены крепостного права, считает И. Ремезов. ⁹⁴

Противоположной точки зрения придерживаются М. Клочки, Е. Карнович, А. Царевский и др., по мнению которых автор «Книги» не касался вопроса о сущности крепостного права и не имел в виду освобождение их от крепостной зависимости, хотя и высказывал наряду с этим прогрессивные предложения по облегчению участи крестьянства. ⁹⁵ Г.В. Плеханов расценивал требование Посошкова ограничить произвол помещиков и улучшить благосостояние крестьян как отражение «заботливости» московских царей, диктовавшейся интересами казны. ⁹⁶

В советской литературе по данному вопросу также имеются различные точки зрения. На «большой разнбой» в понимании того, что, собственно, хотел этим сказать автор «Книги», указывается в обобщающем коллективном труде отечественных экономистов и в монографическом исследовании Б.Б. Кафенгауза. ⁹⁷ Наиболее определенную позицию занимает Б.Б. Кафенгауз, который последовательно проводит мысль, что Посошков не был противником крепостного права. А.И. Пашков допускал «возможность отрицательного отношения автора «Книги» к крепостному праву», не исключая, что «Посошков предвидел возможность освобождения крестьян в будущем, хотя категорически утверждать это нет оснований». ⁹⁸

В «Истории русской экономической мысли» обоснованно указывается на методологически неправильную постановку вопроса, «предвидел» или «не предвидел» Посошков отмену крепостного права, справедливо подчеркивается, что главное внимание следует уделить конкретному содержанию предлагаемой им крестьянской реформы. ⁹⁹ Реальное же значение разнообразных высказываний и предложений Посошкова по крестьянскому вопросу состоит прежде всего в том, что в «Книге» содержится резкая обличительная критика крепостнических порядков в интересах крестьянства. Поэтому, как представляется, можно с полным основанием полагать, что независимо от толкования мнения автора

«Книги» о том, что помещики – «не вековые держатели крестьян, а временные их владельцы», эта мысль И.Т. Посошкова, «безусловно, направлена не на поддержку крепостного права, а на его юридическое отрицание. И это не единственное высказывание мыслителя в подобном плане». ¹⁰⁰ Более того, Посошков прямо высказывает свое положительное отношение к наделению крестьян собственной землей и ратует за него. «А у кого земля собственная, то он ее росчищает и распахивает и навозом наваживает и год от году худая земля добреет», – написано об этом в «Книге». ¹⁰¹

Наделение крестьян собственной землей, уплата ими налогов непосредственно государству, значительное ограничение и точное установление законом размеров повинностей в отношении помещиков – все это значительно суживало крепостнические права помещиков. По налоговым вопросам помещик исключался из отношений между государством и крестьянами; он уже не имел права требовать больше того, что установлено законом. Таким образом, меры, предлагавшиеся Посошковым, приводили фактически к уменьшению крепостнических прав дворянства. Вместе с тем это означало расширение, точнее, предоставление некоторых социально-политических прав широким массам закрепощенного крестьянства.

Действительно, если бы крестьянин в соответствии с замыслами Посошкова получил закрепленное в законе право участвовать через своих представителей в «многосоветии» для выработки и обсуждения нового Уложения с последующим «освидетельствованием» его «вольным голосом», а также право иметь собственную землю и личное имущество, право обращаться в единый для всех «чинов» суд для защиты от незаконных притязаний помещика-крепостника, то абсолютно бесправный и подавленный феодальным гнетом «подлый люд» фактически превратился бы в новое по своему юридическому положению в обществе сословие, обладающее определенным комплексом социально-политических прав. Сам принцип несения крестьянами повинностей в пользу помещиков у Посошкова не подвергается критике. Однако, рассматривая крестьян как объект владения, переданный государством помещикам на определенных условиях и на время, автор «Книги» ставит вопрос о том, что государственная власть может и лишить их данного полномочия, которое они осуществляли в качестве агентов, служащих государства. Сама постановка вопроса о том, что дворянин мог быть лишен прав на землю и крестьян, вряд ли соответствовала интересам помещичьего дворянства.

Впервые в истории отечественной мысли предлагалось узаконить положение, при котором жалоба крестьянина на несправедливость действий помещика должна была обязательно быть принята, и в случае ее «правильности» последний должен был понести суровое наказание, а крестьянин получить свободу. Такая трактовка взаимоотношений крестьян и помещиков, подобное юридическое их уравнивание также вряд ли могли понравиться крепостникам.

Критические замечания Посошкова по крестьянскому вопросу, как и другие его проекты, по существу пересматривали отношения между двумя основными классами русского общества первой четверти XVIII в. – крепостным крестьянством и помещичьим дворянством, как *de facto*, так и *de jure*, и объективно подрывали феодально-крепостнические отношения. Не случайно поэтому И.Т. Посошков в черновике обращения к Петру I в связи с написанием им «Книги» просил сохранить его имя в тайне, опасаясь, что представители господствующего класса дворянства «не допустят мне на свете ни малейшего времени жить, но прекратят живот мой». ¹⁰²

Именно поэтому попечитель Московского университета граф Строганов, слывший либералом, уже в начале 40-х годов XIX в. отсоветовал М.П. Погодину прочесть в уни-

верситете лекцию о Посошкове, опасаясь, как бы лекция «не произвела слишком много эффекта и не была растолкована криво». ¹⁰³ Именно поэтому более 100 лет «Книга» была под запретом и «уже в середине XIX в. печаталась с большими цензурными пропусками», ¹⁰⁴ а за изложение отдельных идей Посошкова в то же время цензурой была запрещена статья критика и поэта Аполлона Григорьева, более полувека пролежавшая в архиве и опубликованная только после Октябрьской революции 1917 г. ¹⁰⁵

Таким образом, антидворянская и антикрепостническая направленность «Книги о скудости и богатстве» несомненна. Вместе с тем следует отметить, что, резко критикуя господствующий класс крепостников, Посошков открыто не выступал против крепостничества как социально-экономической системы. Это своеобразие позиции автора «Книги» было определено тем, что он жил и творил в переходную эпоху, осложненную как особенностями общенационального развития России, так и крайне недостаточной еще степенью становления буржуазных отношений в начале XVIII столетия.

Зарождавшаяся русская буржуазия в это время, как, впрочем, и в дальнейшем, не проявляла революционных тенденций, не стремилась и не пыталась стать «всеми», подобно французской буржуазии периода Великой Французской революции. Ей еще далеко до провозглашения замены всех феодальных привилегий, всех политических монополий минувших веков одной монополией и привилегией – привилегией и монополией денег. ¹⁰⁶

Поэтому нарождавшийся класс торговцев и промышленников, идеологом которого был Посошков, стремился не к ниспровержению существующих порядков, а к использованию их в своих интересах. Но и это так или иначе было связано с оппозицией против помещичьего дворянства, со стремлением потеснить его. Выражая и отстаивая прежде всего интересы поднимавшегося торгово-промышленного сословия, а также крестьянства, «Книга о скудости и богатстве», наряду с резкой обоснованной критикой многочисленных «неправостей» действительности дворянско-бюрократической империи Петра I, содержала обширную программу целого ряда передовых для того времени предложений и проектов преобразований практически во всех важнейших областях социально-экономической и политической жизни страны, включая государственное управление, законодательство, правосудие, крестьянский вопрос.

Смелые и оригинальные идеи И.Т. Посошкова, опередившие на многие десятки лет свое время, отразили зарождение раннебуржуазной идеологии в России.

¹ Очерки истории СССР (первая четверть XVIII в.). М., 1954; Полонский Ф.Я. Экономический строй мануфактуры в России XVIII в. М., 1954; К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII–XVIII вв.). М., 1958; Переход от феодализма к капитализму в России: Материалы Всесоюзной дискуссии. М., 1969. С. 387; Дружинин Н.М. 1) О периодизации истории капиталистических отношений в России // Дружинин Н.М. Социально-экономическая история России. М., 1987. С. 151–152; 2) О периодизации истории капиталистических отношений в России (К итогам дискуссии) // Там же. С. 179–180, 183–184.

² Кафенгауз Б.Б. И.Т. Посошков. Жизнь и деятельность. 2-е изд. М., 1951. С. 131.

³ Павлов-Сильванский Н.П. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. Приложения. СПб., 1897; Сторожев В.Н. Петровская реформа и литература проектов // Три века. Т. 3. С. 111–131.

⁴ Богословский М.М. Русское общество и наука при Петре Великом. Л., 1925. С. 5.

⁵ Деборин А.М. Социально-политические учения в новое и новейшее время. М., 1958. С. 8.

⁶ Павлов-Сильванский Н.П. Посошков // Русский биографический словарь. СПб., 1905. С. 614.

⁷ На утилитарный характер проектов Посошкова указывал, например, А.С. Лаппо-Данилевский (Лаппо-Данилевский А.С. Идея государства в России // Голос минувшего. 1914. № 12. С. 24.).

⁸ Рейснер М.А. Общественное благо и абсолютное государство // Вестник права. 1902. № 9–10. С. 2.

⁹ Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения / Ред. и комм. проф. Б.Б. Кафенгауза. М., 1951. С. 13–14.

- ¹⁰ Вальденберг В. Посошков и Крижанич в их общественно-политических воззрениях. Praha, 1927. С. 753–754.
- ¹¹ Посошков И.Т. Указ. соч. С. 15 и др.
- ¹² Там же. С. 77.
- ¹³ Маркс К. К критике политической экономии. М., 1953. С. 222.
- ¹⁴ Посошков И.Т. Указ. соч. С. 14.
- ¹⁵ Там же. С. 207.
- ¹⁶ Там же. С. 18, 101, 168 и др.
- ¹⁷ Там же. С. 207.
- ¹⁸ История русской экономической мысли. М., 1955. Т. I. Ч. 1. С. 330.
- ¹⁹ Посошков И.Т. Указ. соч. с. 144.
- ²⁰ Там же. С. 206.
- ²¹ Там же. С. 184.
- ²² Там же. С. 180.
- ²³ Там же. С. 178, 182–183, 193–194, 221 и др.
- ²⁴ Это отмечают большинство исследователей наследия И.Т. Посошкова (см., напр.: Покровский В.С. История русской политической мысли. М., 1952. С. 21).
- ²⁵ Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. I. С. 254–255.
- ²⁶ Указание на то, что именно Посошков «впервые на русской почве» выразил буржуазную идею формального равенства в обществе имеется у Б.Б. Кафенгауза (см.: Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. С. 127), а также в БСЭ (2-е изд. Т. 34. С. 246).
- ²⁷ Посошков И. Т. Указ. соч. С. 81–82.
- ²⁸ Там же. С. 82–83.
- ²⁹ Там же. С. 45, 52–53. – Подробнее об этих важных политических проектах И.Т. Посошкова см.: Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. С. 120–130 и др.; Зайченко А.Б. Политические и правовые взгляды И.Т. Посошкова // Политико-правовые идеи и институты в их историческом развитии. М., 1980. С. 22–27.
- ³⁰ Рейснер М.А. Указ. соч. С. 43.
- ³¹ См. Письма к Петру Великому от Б.П. Шереметева. М., 1778. Ч. IV. С. 332; Посошков И.Т. Указ. соч. С. 244.
- ³² Гурвич Г. «Правда воли монаршей» Феофана Прокоповича и ее западноевропейские источники // Учен. зап. Казанского имп. ун-та. 1915. № 11. С. 10–11.
- ³³ ПСЗ. Т. VII. № 4870. С. 629. Стлб. I.
- ³⁴ Там же. С. 625. Стлб. I.
- ³⁵ Гурвич Г. Указ. соч. С. 26.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Посошков И.Т. Указ. соч. С. 92.
- ³⁸ Алефиренко П.К. Социально-политические воззрения В.Н. Татищева // Вопросы истории. 1951. № 10. С. 109; Юхт А.И. Государственная деятельность В. Н. Татищева в 20-х – начале 30-х годов XVIII в. М., 1985. С. 312, 319.
- ³⁹ Сторожев В. Н. Указ. соч. С. 117.
- ⁴⁰ Посошков И. Т. Указ. соч. С. 45.
- ⁴¹ Покровский В. С. Указ. соч. С. 19.
- ⁴² О последнем проекте Посошкова, во многом сходном с указом Петра I 1722 г. об учреждении должности генерал-прокурора, подробнее см.: Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. С. 126.
- ⁴³ Посошков И.Т. Указ. соч. С. 224.
- ⁴⁴ Там же. С. 17, 113 и др.
- ⁴⁵ Татищев В.Н. Лексикон. Ч. 2. СПб., 1793. С. 120.
- ⁴⁶ ПСЗ. Т. VII. № 4870. С. 622. Стлб. I.
- ⁴⁷ Посошков И.Т. Указ. соч. С. 113.
- ⁴⁸ Берлин П.А. Русская буржуазия в старое и новое время. М., 1922. С. 40.
- ⁴⁹ Сторожев В.Н. Указ. соч. С. 117.
- ⁵⁰ Посошков И.Т. Указ. соч. С. 77.
- ⁵¹ Павлов-Сильванский Н.П. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. СПб., 1897.
- ⁵² Латкин В. Законодательство комиссии в России в XVIII в. СПб., 1887. Т. I. С. 429.
- ⁵³ Бак И.С. Торговый капитал и генезис капитализма в России: Сб. научных работ Высшей торговой школы. М., 1955. Вып. 1. С. 239–253.

- ⁵⁴ Посошков И.Т. Указ. соч. С. 138.
- ⁵⁵ Там же. С. 148.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Там же. С. 144.
- ⁵⁸ Миклашевский А. Посошков // Энциклопедический словарь // Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. М., 1898. Т. XXIV.
- ⁵⁹ Татищев В.Н. Представление о купечестве и ремеслах // Архив СПбИИ РАН. Ф. Воронцовых (36). Оп. I. № 380. Л. 417 об.
- ⁶⁰ Цит. по: Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР. Т. I. М., 1940. С. 237.
- ⁶¹ Посошков И.Т. Указ. соч. С. 148–149.
- ⁶² Там же. С. 146.
- ⁶³ Там же. С. 148.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ Там же. С. 139, 140 и др.
- ⁶⁶ Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. М., 1950. Т. I. С. 374.
- ⁶⁷ Посошков И.Т. Указ. соч. С. 179.
- ⁶⁸ Там же. С. 194.
- ⁶⁹ Там же. С. 180.
- ⁷⁰ История русской экономической мысли. Т. I. Ч. I. С. 347.
- ⁷¹ См., напр.: История политических учений. М., 1955. С. 233; Зайченко А.Б. Указ. соч. С. 23–24, 27; История политических и правовых учений. Домарксистский период / Под ред. О.Э. Лейста. М., 1991. С. 264–266, 269; Исаев И.А., Золотухина Н.М. История политических и правовых учений России. XI–XX вв. М., 1995. С. 168–170.
- ⁷² Посошков И.Т. Указ. соч. С. 166.
- ⁷³ Сторожев В.Н. Указ. соч. С. 116.
- ⁷⁴ Посошков И.Т. Указ. соч. С. 177.
- ⁷⁵ Там же.
- ⁷⁶ Там же. С. 178.
- ⁷⁷ Там же. С. 177–178, 182–183.
- ⁷⁸ Там же. С. 182–183.
- ⁷⁹ Покровский В.С. Указ. соч. С. 23
- ⁸⁰ Посошков И.Т. Указ. соч. С. 221–223.
- ⁸¹ Там же. С. 193 и др.
- ⁸² БСЭ. Т. 34. Посошков. С. 246.
- ⁸³ Покровский В.С. Указ. соч. С. 21.
- ⁸⁴ Алефиренко П.К. Русская общественная мысль XVIII в. о сельском хозяйстве // Материалы по истории земледелия СССР. Сб. I. М., 1952. С. 549.
- ⁸⁵ Алефиренко П.К. Социально-политические воззрения В.Н. Татищева. С. 110.
- ⁸⁶ Сборник русского исторического общества. СПб., 1881. Т. XXXII. С. 34–35, 184–185, 410–414, 467–469, 500–505, 513–517.
- ⁸⁷ Виленская Э.С. Об особенностях формирования русской освободительной мысли в XVIII веке // Вопросы философии. 1951. № 2. С. 119.
- ⁸⁸ Алефиренко П.А. Социально-политические воззрения В.Н. Татищева. С. 110.
- ⁸⁹ Павлов-Сильванский Н.П. Посошков // Русский биографический словарь. СПб., 1905. С. 618.
- ⁹⁰ Романович-Словатинский А. Дворянство в России. Киев, 1912. С. 330.
- ⁹¹ Семевский В.И. Крестьянский вопрос. СПб., 1888. С. 5–6.
- ⁹² Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 4. СПб., 1886. С. 107.
- ⁹³ Павлов-Сильванский Н.П. Очерки по русской истории XVIII–XIX вв. СПб., 1910. С. 69.
- ⁹⁴ Ремезов И. Московский крестьянин И.Т. Посошков. СПб., 1883. С. 83.
- ⁹⁵ Ключков М.М. Посошков о крестьянах // Великая реформа. М., 1911. Т. I. С. 72; Карнович Е. Крестьяне и помещики по идеям Ивана Посошкова, русского мыслителя в начале XVIII в. // Современник. 1858. Т. LXXI. Разд. IV. С. 42; Царевский А. Посошков и его сочинения. М., 1883. С. 89.
- ⁹⁶ Плеханов Г.В. История русской общественной мысли. М., 1919. Т. 2. С. 188.
- ⁹⁷ История русской экономической мысли. Т. I. Ч. I. С. 343; Кафенгауз В.Б. Указ. соч. С. 112–113.
- ⁹⁸ Пашков А.И. Экономические идеи И.Т. Посошкова // Известия АН СССР. 1945. № 4. С. 37; Кафенгауз В.Б. Указ. соч. С. 113–114.

⁹⁹ История русской экономической мысли. С. 345.

¹⁰⁰ Исаев И.А., Золотухина Н.М. Указ. соч. с. 170.

¹⁰¹ Посошков И.Т. Указ. соч. С. 260.

¹⁰² Там же. С. 9.

¹⁰³ Кафенгауз В.Б. Указ. соч. С. 5.

¹⁰⁴ Павлов-Сильванский Н.П. Посошков. С. 618.

¹⁰⁵ Григорьев А. О комедиях Островского и их значении в литературе и на сцене // Ежегодник Петроградских гос. театров. Пг., 1920. С. 175, 179.

¹⁰⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. IV. С. 19.

Статья поступила в редакцию 27 октября 2005 г.